

сивую фантазію и его богатые краски? Какую выбрать точку приложения? Поиски привели к мольеровской комедии с ее многократными балетами, турецкою буффонадою и заключительною арлекинадою. Лучшую точку приложения вряд ли можно было сыскать. Тут—широкий простор, тут—спрос на все, что могъ дать художникъ и его помощники—костюмеры, режиссеры, балетмейстеры. И Сапуновъ развернулся во всю. Въ исторіи вѣшняго театрального искусства незлобинскій мольеровскій спектакль займетъ, по заслугамъ, видное мѣсто.

И эта комедія не только давала возможность такъ выдвинуть впередъ, на господствующее мѣсто въ спектакль, художника-декоратора и его соратниковъ, но и оправдывала такое неестественное въ драматическомъ театрѣ перемѣщеніе центровъ тяжести. Потому что и написана комедія Мольеромъ, главнымъ образомъ, въ расчетъ именно на такіе театральные элементы, на танецъ, на музыку, на пантомиму, на красивую обстановку—въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ на актера и на слово, на сценическое искусство и свой художественный талантъ. Комедія была для него самого—на заднемъ планѣ, балетъ, зрѣлище—на первомъ. Такъ была ему заказана пьеса королемъ, для охоты въ Шамборѣ, такъ онъ ее и написалъ. И онъ шелъ не отъ образа Журдена, не отъ какой-нибудь жанровой или сатирической темы, но отъ «turquerie», отъ буффонады съ турками. Она—верно, а все другое—уже наслоения, то, что не важно. Долго рассказывать, почему именно Людовику XIV понадобились такъ турецкая буффонада, почему онъ ее поставилъ своему комцу непремѣннымъ условіемъ. Вѣроятно, король-солнце хотѣлъ насолить туркамъ за то, что на недавнемъ приемѣ турецкій посолъ посмѣлъ обидѣться на него, а главное—не проявилъ восторга передъ специально заказаннымъ для этого приема королевскимъ платьемъ съ драгоценными камнями на четырнадцать милліоновъ. Такъ или не такъ, но во всякомъ случаѣ «turquerie» и всякіе балеты, пасторали, романсы—вотъ отправная точка автора, вотъ во имя чего сочиненъ «Мѣщанинъ-дворянинъ».

Можно ли винить театръ, что онъ пожелалъ быть вѣрнымъ Мольеру и его замыслу, что и онъ пошелъ отъ балета и вѣшной роскоши, что и онъ на комедію въ такихъ условіяхъ и такъ написанную, посмотрѣлъ только какъ на маловажный, во всякомъ случаѣ, второстепенный придатокъ? Говорю это безъ тѣни ироніи. Я смѣю дерзко думать, что «Мѣщанинъ-дворянинъ» теперь вообще не очень-то стоитъ постановки. Зовите вы меня, пожалуй, хоть вандаломъ, но я не знаю, чтó дѣлать современному зрителю съ этою пьесою, на что она ему... Но ужъ если рѣшати иначе, если думать, что и «Мѣщанинъ-дворянинъ»—безсмертный, что и это—та классическая комедія, которая переживаетъ вѣка, которая—всегда и вездѣ—желанный гость въ театрѣ, то, конечно, нужно и можно ставить его только вотъ съ такимъ

распределеніемъ центровъ вниманія, какъ это сдѣлали у Незлобина. Нужно выполнить задания, которые поставилъ самъ авторъ. Право же, въ этомъ и больше смысла, и больше уваженія къ великому Мольеру, чѣмъ умничать за него, навязывать его комедіи, втискивать въ нее то, чего въ ней отродясь и не было, что можно разглядѣть развѣ только въ какой-то историко-литературный микроскопъ.

О, я отлично знаю, что въ Журденѣ полагается видѣть чуть что не мировой типъ, а всю комедію считать злою сатирою, жестокимъ бичеваніемъ пороковъ. «Мѣщанинъ-дворянинъ»—будто бы позорный столбъ, къ которому выставилъ Мольеръ маленькую буржуазію, мѣщанство, тянущееся въ знать и т. д. и т. д. Объ этомъ въ каждомъ курсѣ литературы, объ этомъ въ каждой статейкѣ о Мольерѣ написано и расписано. Но будьте любезны взять книгу и прочитать пьесу. И вы непременно признаете, что правды въ этихъ заявленіяхъ нѣтъ. Вы восхититесь иногда остроуміемъ, мѣткимъ словечкомъ Мольера. Но художественной значительности сатирической обличительности вы не сыщете. Развѣ напередъ рѣшите, что она непременно есть...

И такъ, театръ, по моему, былъ правъ въ своемъ планѣ спектакля. И онъ былъ великодушенъ въ его выполнении. Декорации—заглядѣніе. Столько въ нихъ красочной красоты и столько эпохи. Зачѣмъ только, скажу къ слову, въ третьемъ актѣ подпущенъ настоящий фонтанъ, подлинная вода? Отъ такого сосѣдства выдаетъ себя «нарисованность» пруда и каскада въ глубинѣ. Написано это отлично. Но не слѣдовало вводить глазъ зрителя во искушеніе реальной водой. Не хуже декораций и костюмы. Иногда глазъ нельзя оторвать, до того все колоритно. И вмѣстѣ—такое разнообразіе въ воспроизведеніи извѣстныхъ историческихъ образцовъ. Большая фантазія, богатая выдумка и у г. Комиссаржевскаго. Выдумка и вкусъ, удерживающій ее въ рамкахъ. И во всей распланировкѣ пьесы, и въ отдѣльных кускахъ, танцахъ, буффонадахъ, въ этомъ низко посаженномъ оркестрѣ, такъ что зрителю видны только парики, въ арлекинадѣ, въ «туркахъ»—много занимательнаго и артистическаго. Режиссеръ работалъ надъ пьесою, которая воскресла не для долгой жизни на теперешней сценѣ. Но работу свою онъ выполнилъ отлично.

Но все-таки комедія—комедія. Ее надо-же и играть, передавать и силами актерскими. И опять приходится констатировать то-же, что не разъ мнѣ приходилось отмѣчать прежде. У г. Незлобина нѣтъ тѣхъ актерскихъ силъ, которыя нужны для выбираемыхъ имъ пьесъ. Онъ ставилъ когда-то «Черныя маски», не имѣя трагическихъ актеровъ. И онъ ставитъ теперь комедію-буффъ не имѣя буффовъ, не имѣя яркихъ комиковъ. Главная стихія «Мѣщанина»—смѣхъ. А изъ участниковъ спектакля никто почти не умѣетъ смѣяться. Не умѣетъ смѣяться весело и заразительно. Ни г. Лихачевъ, ни г-жа Лилина, ни кто еще. И

Импринт 3 сент 1911 г.

„Мѣщанинъ-дворянинъ“.

На выставкѣ «Мира искусствъ», отколловшагося отъ «Союза», было нѣсколько великолѣпныхъ картинъ Сапунова, всѣхъ плѣнившихъ тонкою своею прелестью, нѣжнымъ ароматомъ старины и роскошью красокъ. На одномъ полотнѣ, на лучшемъ изъ лучшихъ,—арлекинъ и Коломбина.

Вотъ, по моему, гдѣ нужно искать истинный генезисъ «Мѣщанина-дворянина» въ Незлобинскомъ театрѣ. Вотъ откуда пошла та постановка, которую онъ началъ въ четвергъ свой третій сезонъ.

Какъ и гдѣ получше использовать для театра искусство этого талантливаго художника, его кра-